

ПОЛИТИЯ

Анализ

Хроника

Прогноз

ПОЛИТЕΙΑ

№ 2 (73)

Москва
2014

«ПОЛИТИЯ»

Журнал политической философии и социологии политики
Основан А.М.Салминым в 1996 г.

“POLITEIA”

Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics

Учредители: АНО «Общественно-политический журнал.
Журнал политической философии и социологии
политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»;
Институт научной информации по общественным
наукам РАН

Редакционный совет: Председатель Совета С.И.Каспэ
Заместители председателя Совета:
А.А.Галкин, А.И.Музыкантский
Главный редактор Л.Е.Бляхер

Члены Совета:

Т.А.Алексеева, Ф.Т.Алескеров, И.М.Бунин, Л.А.Галкина (зам.
главного редактора), С.Гельбах (Scott Gehlbach), И.И.Глебова,
Дж.Данн (John Dunn), А.А.Дегтярев, А.Б.Зубов, М.В.Ильин,
С.А.Караганов, В.А.Колосов, Т.Дж.Колтон (Timothy J. Colton),
Ю.Г.Коргунюк, А.И.Кузнецов, Б.И.Макаренко, А.Ю.Мельвиль,
С.В.Михайлов (зам. главного редактора), Д.Мюллер
(Dennis C. Mueller), В.А.Никонов, Х.Нурми (Hannu Nurmi),
Б.С.Орлов, Ю.С.Пивоваров, У.М.Райзингер (William M.
Reisinger), Г.А.Сатаров, Л.-Г.Тайван (Leons Gabriels Taivāns),
Д.Трейсман (Daniel Treisman), М.Ю.Урнов, С.М.Хенкин

Адрес редакции:
117997, Москва,
Нахимовский
проспект,
д. 51/21,
ИНИОН РАН,
к. 147

Телефоны:

(499) 713-02-64
8-901-183-02-64

Электронная почта:
politeia@politeia.ru

Ответственный редактор номера Л.А.Галкина

Перепечатка материалов издания без письменного разрешения редакции не допускается.

© АНО «Общественно-политический журнал. Журнал политической
философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника.
Прогноз», 2014

Точка зрения авторов не обязательно совпадает с позицией редакции

Содержание

	Материалы номера	5
Парадигмы общественного развития	А.А.Галкин Общественные настроения и политическое поведение: некоторые тенденции современного развития	6
	Л.М.Исаев, А.Р.Шишкина Соблазненные революцией	21
Постсоветское пространство	А.И.Швырков Украина: закономерности распада	34
	А.Н.Алексенко Этнизация и традиционализация социально-политического пространства Казахстана	48
Российская полития	И.Ю.Окунев Межрегиональная дифференциация как основа формирования российской государственности	70
	М.С.Турченко От смешанных к мажоритарным? (О логике изменения региональных избирательных систем в современной России)	84
Практическая социология	Д.М.Рогозин Коррупция в рассказах государственных служащих	97
Политические партии	Н.В.Работяжев Лейбористская партия Великобритании на пути адаптации к современному миру	118
	Ю.О.Гайворонский Консолидация партийных систем в контексте трансформации электорального пространства и политических режимов (На примере стран Балканского региона)	141
Губернаторские чтения	Глобальные вызовы для России: мифы и реальность (Шестнадцатые Губернаторские чтения. Тюмень, 11 марта 2014 г.)	155
Кафедра	Н.А.Медушевский Толерантность и меняющаяся идентичность как факторы трансформации социально-политической системы США	177

М. С. Турченко
ОТ СМЕШАННЫХ
К МАЖОРИТАРНЫМ?
О ЛОГИКЕ ИЗМЕНЕНИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: избирательная система, электоральная формула, региональные выборы, «Единая Россия»

Согласно принятому в 2002 г. федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», с 15 июля 2003 г. как минимум половина состава региональных законодательных собраний должна была формироваться по пропорциональной системе. В результате во многих субъектах РФ была установлена смешанная система с соотношением пропорционального и мажоритарного¹ компонентов 1 к 1. Поскольку в течение первого постсоветского десятилетия регионы, за редкими исключениями, пропорциональную систему не использовали², ряд авторов расценил подобную новацию как широкомасштабную региональную избирательную реформу³.

Больше десяти лет основное содержание этой реформы — избрание не менее половины депутатов региональных ассамблей по спискам политических партий — не подвергалось пересмотру, но 2 ноября 2013 г. В. В. Путин подписал федеральный закон № 303-ФЗ⁴, изменивший status quo. В соответствии с новыми правилами, минимальная доля депутатов-списочников в региональных парламентах была снижена вдвое — до 25% от состава депутатского корпуса, а для городов федерального значения упразднена вообще. Кроме того, из законодательства была исключена введенная двумя годами ранее норма об обязательном использовании пропорциональной системы на выборах представительных органов муниципальных районов и городских округов с численностью более 20 депутатов.

Законодательная инициатива члена Совета Федерации А. А. Клишаса, направленная на изменение порядка избрания региональных парламентов и представительных органов муниципальных образований, вызвала бурные дебаты в Государственной Думе. Не скрывая своего негативного отношения к предлагаемым новациям, члены фракций КПРФ, «Справедливая Россия» и ЛДПР подготовили поправки к законопроекту, полностью менявшие его суть: вместо сокращения

¹ Здесь и далее под «мажоритарной» будет пониматься система относительного большинства в одномандатных округах (SMD-plurality).

² Глубоцкий, Кунев [Glybockij, Kunev] 2003.

³ См., напр. Кунев [Kunev] 2009: 6; Golosov 2011a: 398.

⁴ Федеральный закон [Federal'nyj zakon] 2013.

⁵ Таблица [Tablica] б.з.

⁶ Справка [Spravka] б.з.

⁷ Стенограммы [Stenogrammy] б.з.

⁸ Голосов [Golosov] 2012: 114; Panov, Ross 2013: 743—744.

Причины
изменений
избирательных
систем:
рамки анализа

⁹ Boix 1999.

¹⁰ Ahmed 2010.

¹¹ Cusack, Iversen, Soskice 2007.

¹² Colomer 2004, 2005.

¹³ Colomer 2004: 3.

обязательной доли депутатов-списочников в региональных ассамблеях было предложено повысить ее до 75%⁵. Но усилия парламентской оппозиции не увенчались успехом, и 25 октября 2013 г. закон был принят. За него проголосовал 241 депутат, включая всех членов фракции «Единая Россия», против — 202⁶. Таким образом, Госдума раскололась почти пополам, причем «Единой России» на этот раз противостояли все три оппозиционные парламентские партии, опасавшиеся, что переход к новым правилам обернется сокращением и так невысоких возможностей для политической конкуренции в регионах.

Но зачем правящей группе понадобилось менять федеральное законодательство в части, регламентирующей особенности проведения региональных выборов? И почему это было сделано именно сейчас — спустя десятилетие после начала его применения?

На официальном уровне введение нормы, позволяющей региональным законодателям сокращать долю депутатов, избираемых по пропорциональной системе, оправдывалось желанием удовлетворить появившийся в последнее время «общественный запрос на персонализацию политики»⁷. Однако данное объяснение выглядит неубедительным. На мой взгляд, в основе этой законодательной новеллы лежало скорее стремление «Единой России» обезопасить себя от утраты электорального доминирования в «проблемных» регионах, где ее выдвиженцы в одномандатных округах добиваются лучших результатов, чем список партии в едином общерегиональном округе⁸. Обоснованию этого тезиса и посвящена настоящая статья.

Причинам изменений избирательных систем в исторической ретроспективе и в современном мире посвящена обширная литература. Среди исследований первого типа стоит упомянуть тексты К. Боша⁹, А. Ахмеда¹⁰, Т. Кьюзака, Т. Иверсена и Д. Соскиса¹¹. Ярким примером исследований второго типа являются работы Ж. Коломера¹².

Рассматривая избирательные системы как производные от систем партийных, Коломер фиксирует следующую закономерность: при изменении электорального законодательства режимы с доминирующей партией или двумя основными партиями склонны двигаться в направлении ограничительных или исключаящих формул, базирующихся на принципе большинства, тогда как в плюралистичной среде наблюдается тенденция к принятию более инклюзивных правил, в частности пропорционального представительства¹³. Причины подобного положения вещей он видит в рациональном поведении политических акторов. Крупные партии, будучи уверенными в своем потенциале, стремятся исключить из электоральной конкуренции и сферы принятия решений менее влиятельных игроков. В свою очередь, малые партии, не рассчитывающие на значимый успех, равно как и сталкивающиеся с серьезными электоральными вызовами правящие партии, отдают предпочтение правилам игры, позволяющим им сохранять

шансы на парламентское представительство даже при неблагоприятных условиях.

С рациональным поведением политических акторов (партий), стремящихся обеспечить себе максимальное количество мест в ассамблеях, связывает изменения избирательного законодательства и К. Бенуа¹⁴. По его мнению, утверждение и трансформация избирательных систем суть следствие коллективного выбора политическими партиями институциональных альтернатив, в наибольшей степени отвечающих их интересам¹⁵.

В настоящей работе я тоже исхожу из того, что в качестве рациональных акторов политические партии отдают предпочтение электроральным правилам, способным максимизировать их долю мест в парламенте (относительно доли мест других партий), и что крупные партии склоняются в пользу скорее ограничительных правил, а малые — инклюзивных¹⁶. Рассмотренные выше обстоятельства внесения поправок в российское избирательное законодательство наглядно иллюстрируют этот тезис.

Среди работ, анализирующих причины выбора тех или иных параметров избирательных систем в конкретных страновых контекстах, особый интерес с точки зрения проводимого здесь исследования представляют те, где описывается опыт режимов электрорального авторитаризма (каковой утвердился в последние годы и в России¹⁷). Наиболее показательным в этом плане является случай Мексики.

По заключению А. Диаса-Кайероса и Б. Магалони¹⁸, изучавших эффекты мексиканского избирательного законодательства, многолетнее доминирование Институционально-революционной партии (ИРП) в палате депутатов мексиканского конгресса обеспечивалось с помощью электроральных правил, диспропорционально награждавших правившую партию и вместе с тем препятствовавших образованию прочных оппозиционных коалиций. Для получения диспропорционально большого количества мандатов ИРП использовалась система относительного большинства в одномандатных округах. При этом, хотя оппозиционные партии стабильно добивались успеха в многомандатных округах, у них не возникало стимулов ни к координации вокруг единых кандидатов, ни к формированию антиинкумбентских коалиций, поскольку даже в сумме число завоеванных ими мандатов всегда было меньше, чем у ИРП¹⁹. Таким образом, снижая в краткосрочной перспективе входные барьеры для обретения парламентского представительства, многомандатные округа, по сути, лишь консервировали систему, при которой большинство всегда оставалось за ИРП. Именно эта комбинация электроральных правил и позволяла ей долгое время удерживать лидирующие позиции, несмотря на падение народной поддержки, затяжной экономической кризис и коррупционные скандалы²⁰.

Не будучи в состоянии обойти правящую партию на выборах, оппозиция лишается возможности инициировать избирательную реформу, которая бы изменила диспропорциональную природу существ-

вующих электроральных институтов. Тем самым создается дополнительная преграда на пути преодоления режима электрорального авторитаризма; «самораспускающаяся спираль»²¹, которая могла бы подорвать и институциональную, и электроральную базу авторитарных инкумбентов, просто не имеет шансов быть запущенной.

²¹ Schedler 2002: 111.

«Законодательный маневр» 2013 г.

Я полагаю, что, внося изменения в российское законодательство, разрешающие регионам избирать большую долю депутатов законодательных собраний по мажоритарной системе, правящая группа преследовала двудеиную цель: облегчить «Единой России» получение парламентского большинства и затруднить координацию действий оппозиционных партий. Но прежде чем обосновывать эту точку зрения, представляется целесообразным ответить на два вопроса: почему подобные правила не были введены в ходе избирательной реформы 2002—2003 гг. и почему их принятие стало необходимым сейчас?

Установление обязательной доли депутатов региональных парламентов, избираемых по спискам политических партий, на уровне 50% было одним из механизмов, который использовал федеральный центр, чтобы решить «проблему приверженности»²² глав регионов проводимой им политике. Расчет делался на то, что «партия власти» станет для региональных элит основным объектом аффилиации, обеспечив им лучшие возможности для получения выборных должностей, и, соответственно, вынудит губернаторов отказаться от стратегии «раскладывания яиц» по разным «партийным корзинам»²³. К концу 2000-х годов «проблема приверженности» была решена. Не последнюю роль в этом сыграла и отмена прямых губернаторских выборов²⁴.

Однако, как продемонстрировали федеральные выборы 2011—2012 гг., в стране наметилась тенденция к росту числа недовольных сложившимся политическим режимом; реальностью стало падение поддержки «Единой России»²⁵. Отмена прямых губернаторских выборов привела к тому, что многие влиятельные главы регионов были заменены бюрократами, не обладавшими контролем над региональными политическими машинами и клиентелистскими сетями²⁶. В итоге возможности для мобилизации населения в поддержку «партии власти» на региональном уровне сократились, что и продемонстрировал единый день голосования 4 декабря 2011 г.²⁷ Кроме того, вследствие принятия в 2012 г. пакета поправок к закону «О политических партиях» появились новые партийные организации, теоретически способные отбирать голоса у «партии власти» на региональных выборах, тем более что в большинстве субъектов Федерации для получения депутатского мандата им достаточно преодолеть 5-процентный барьер. Эти обстоятельства, по-видимому, и заставили политическую элиту заблаговременно озаботиться мерами, которые могли бы нивелировать потерю «Единой Россией» влияния в электрорально «ненадежных» регионах. Одной из таких мер и является расширение мажоритарного компонента избирательной

²² Reuter, Remington 2009.

²³ Ibid.: 11.

²⁴ Ibid.: 18—21.

²⁵ Turovsky 2014: 71.

²⁶ Reuter 2013: 102—103.

²⁷ Ibid.: 121.

¹⁴ Benoit 2004.

¹⁵ Ibid.: 373.

¹⁶ Colomer 2004: 3; Benoit 2007: 378—379.

¹⁷ См., напр. Golosov 2011b; Ross 2011a; Гельман [Gel'man] 2012.

¹⁸ Diaz-Cayeros, Magaloni 2001.

¹⁹ Мажоритарные избирательные системы использовались авторитарными режимами для сдерживания оппозиции и в таких странах, как Зимбабве или Хорватия при Ф. Туджмане (см. Schedler 2002: 107).

²⁰ Diaz-Cayeros, Magaloni 2001: 271—272.

²⁸ Lijphart 1994: 20–21; Norris 1997: 299–301.

²⁹ Birch 2007: 1539.

³⁰ Panov, Ross 2013: 738; Turovsky 2014: 73.

системы, в силу своей природы благоприятствующего крупным партиям²⁸. Данное нововведение выгодно правящей группировке и потому, что мажоритарная система дает больше возможностей для искажения результатов выборов в свою пользу — и с меньшими издержками, чем пропорциональная²⁹.

Как показали недавние выборы мэра Москвы, несмотря на то что «Единая Россия» сейчас обладает большинством в 80 из 83 региональных ассамблей³⁰, ее доминирующему положению может быть брошен серьезный вызов в случае даже частичной координации действий оппозиционных сил, особенно под руководством популярного политического лидера. Более того, среди российских регионов все еще сохранились такие, где электоральная поддержка «партии власти» не слишком велика. К их числу относится, например, Республика Карелия, в законодательном собрании которой к «Единой России» принадлежат только 19 из 50 депутатов.

Я полагаю, что именно стремлением к сохранению status quo в условиях роста числа партийных структур, перманентного падения рейтинга «партии власти», слабости президентских назначенцев на постах глав регионов и грядущей неопределенности перед федеральными выборами 2016 г. и было вызвано принятие поправок, разрешающих регионам избирать по партийным спискам всего четверть состава своих legislatures. В данном случае «Единая Россия» действовала как рациональный актор, в условиях доминирования отдающий предпочтение ограничительным избирательным правилам³¹. Вполне рациональным, как будет показано ниже, был и отказ от предоставления регионам (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга) права полностью перейти на мажоритарную систему, что сохраняло за оппозиционными партиями возможность приобретения мандатов в региональных парламентах, одновременно препятствуя их кооперации.

³¹ Colomer 2004: 6.

Одномандатные округа и «партия власти»

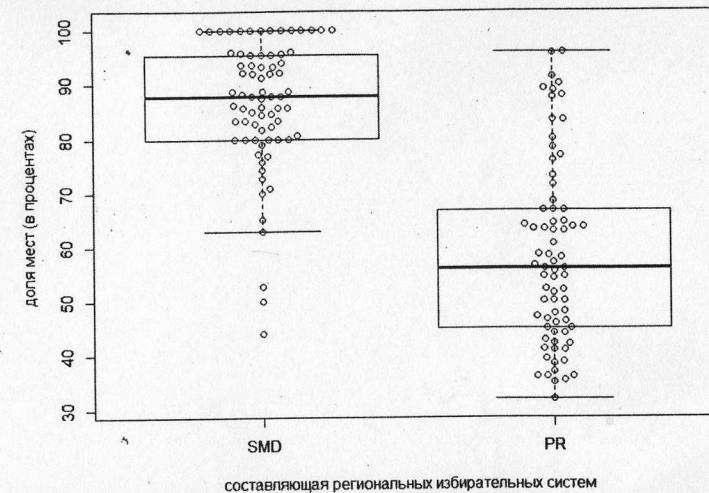
Распространенную точку зрения, согласно которой в одномандатных округах «Единая Россия» выступает успешнее, нежели в едином общерегиональном округе³², можно проиллюстрировать графически, представив распределение региональных ассамблей в зависимости от доли мест, полученных «партией власти» по мажоритарной и по пропорциональной системе (см. рис. 1).

Для того чтобы более выпукло отразить эту тенденцию, я попытался смоделировать результаты выборов в условиях, когда все регионы избирают по спискам партий четверть состава своих парламентов, а также когда региональные выборы проходят исключительно по пропорциональной и мажоритарной формуле. Для этого мною были проанализированы данные о выборах депутатов 73 региональных парламентов³³. Из рассмотрения были исключены 10 регионов, где выборы полностью проводились по пропорциональной системе, так как применительно к ним невозможно обоснованно рассчитать, сколько бы

³² Golosov [Golosov] 2012: 114; Panov, Ross 2013: 743–744.

³³ При построении графика на рис. 1 использовались данные по тем же 73 регионам.

Рисунок 1 Распределение региональных ассамблей в зависимости от результата «Единой России» в одномандатных округах и едином общерегиональном округе по пропорциональной системе

³⁴ <http://www.vybory.ru/electi.htm>.

³⁵ <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>.

³⁶ [ht://db.geliks.org/](http://db.geliks.org/).

³⁷ <http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/mn.htm>.

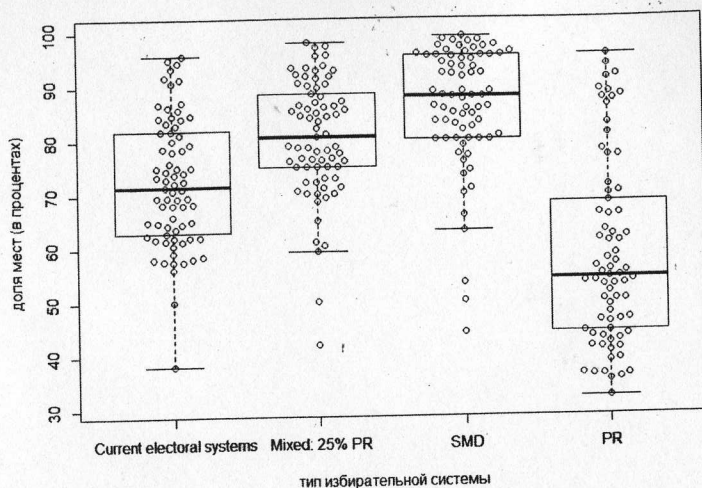
³⁸ Границами каждого «ящика» служат первый и третий квартили (таким образом, между ними находится половина всех рассматриваемых случаев); линия в середине — медиана; концы «усов» — края статистически значимой выборки; точки, выходящие за пределы «усов», — выбросы.

мест получила «Единая Россия», если бы три четверти списочного состава legislatures избирались в одномандатных округах. В случае Ханты-Мансийского и Чукотского автономных округов, а также Красноярского края депутаты, победившие в многомандатных округах, приравнивались к депутатам, победившим в одномандатных округах. При анализе использовались данные Независимого института выборов³⁴ и ЦИК РФ³⁵. Информация о методике перевода голосов в места, а также об особых положениях региональных избирательных законов почерпнута из базы данных Центра содействия демократии и правам человека «Геликс»³⁶ (для выборов, прошедших до 4 декабря 2011 г. включительно), а также из региональных избирательных законов, содержащихся в правовой базе данных «Гарант»³⁷.

На рис. 2 представлены четыре распределения региональных парламентов в зависимости от процентной доли мест, которую в них занимают депутаты от «Единой России». Первый «ящик с усами» (box-and-whiskers plot, или boxplot)³⁸ отображает фактическое распределение, существующее на сегодняшний день.

В основе второго «боксплота» — распределение региональных парламентов, смоделированное так, как если бы все они избирались на 25% по партийным спискам и на 75% в одномандатных округах. Моделирование результатов выборов по партийным спискам проводилось с учетом количества голосов, набранных каждой партией на последних

Рисунок 2 Распределение региональных ассамблей в зависимости от доли представительства в их составе депутатов от «Единой России»

региональных выборах, и всех особенностей местного избирательного законодательства (методы перевода голосов в места, заградительные барьеры и т.д.). Количество депутатов, избираемых по пропорциональной системе, определялось путем вычисления одной четвертой от размера региональных ассамблей (если итоговое число было дробным, оно округлялось до целого таким образом, чтобы его значение составляло не меньше 25% от численности парламента). Моделирование результатов выборов в одномандатных округах строилось на предположении о сохранении пропорции мест, доставшихся каждой партии. В случае если полученное число оказывалось дробным, оно округлялось к ближайшему целому числу.

Третий и четвертый «боксплоты» показывают предположительные результаты последних региональных выборов, если бы те проводились по мажоритарной или пропорциональной формуле. Моделирование здесь проводилось по тем же алгоритмам, которые использовались при вычислении результатов партийных списков и определении числа мест, полученных кандидатами от «партии власти» в одномандатных округах, при системе 25 на 75. Отличие заключалось лишь в том, что каждый из двух алгоритмов применялся ко всей численности парламента и если в одномандатных округах «Единая Россия» получала 100% мест, то от ее итогового результата отнимался один мандат.

Из рис. 2 видно, что электоральные показатели «Единой России» улучшаются по мере увеличения доли депутатов, избираемых

в одномандатных округах. С этой точки зрения поправки, разрешающие проводить региональные выборы преимущественно по мажоритарной системе, безусловно, выгодны «партии власти». Но еще более выгодной для нее была бы полная отмена ограничений на формирование региональных legislatures в одномандатных округах, как это было сделано в отношении городов федерального значения. Тем не менее этого не произошло. Основная причина, на мой взгляд, состояла в том, что такое решение не оставило бы шансов на региональное представительство даже парламентским партиям, что могло бы подтолкнуть их к протестным стратегиям.

Однако, сохранив возможность для прохождения в региональные парламентах иных партий, «Единая Россия» предусмотрительно создала институциональные условия, призванные воспрепятствовать их кооперации. Судя по всему, в российской ситуации ту роль в ограничении коалиционного потенциала оппозиции, которую в Мексике играли многомандатные округа³⁹, будет выполнять пропорциональная избирательная система.

³⁹ Diaz-Cayeros, Magaloni 2001.

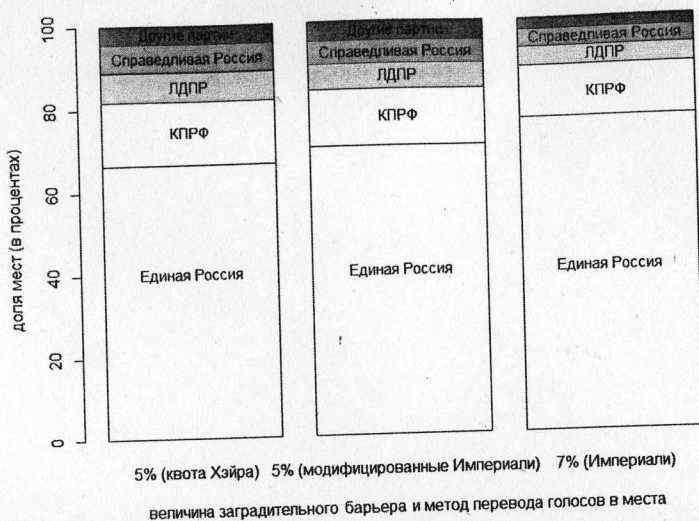
Пропорциональная составляющая: разделяй и властвуй

Когда (и если) российские регионы станут переходить к избирательным системам с меньшим пропорциональным компонентом (допустим, что он составит 25%), им нужно будет решить, сохранить ли прежние правила перевода голосов в места или принять новые. Скорее всего, случаи расположатся вдоль континуума, на одном конце которого будут относительно инклюзивные правила, а на другом — ограничительные. Учитывая практику избирательного законодательства российских регионов, можно предположить, что в первом случае речь будет идти о пропорциональных системах с 5-процентным заградительным барьером и квотой Хэйра, а во втором — о системах с 7-процентным барьером и методом делителей Империи.

Для того чтобы выяснить, как будет выглядеть в таких условиях распределение мест, получаемых списками политических партий, я проанализировал результаты 22 региональных выборов, прошедших после смягчения партийного законодательства (то есть 14 октября 2012 г. и 8 сентября 2013 г.). На рис. 3 смоделированы результаты этих выборов по пропорциональной составляющей в ситуации, когда по партийным спискам избирается 25% депутатского корпуса, в случае применения различных заградительных барьеров и техник перевода голосов в места. Полностью отдавая себе отчет в условности подобного подсчета, можно тем не менее утверждать, что «Единая Россия» получает большинство мест в региональных парламентах по пропорциональной составляющей вне зависимости от параметров избирательной системы. При инклюзивных правилах ей достается 66% депутатских мандатов, при ограничительных — 76%, а в промежуточном варианте, когда при 5-процентном барьере используются модифицированные делители Империи, — 70%.

Рисунок 3 Доли мест, получаемых списками политических партий при избрании 25% депутатов по пропорциональной системе

Таким образом, в случае формирования региональных парламентов по формуле, предусматривающей избрание по пропорциональной системе 25% депутатов, «Единая Россия» может рассчитывать на подавляющее большинство не только в одномандатных округах, но и в едином округе. При этом максимальное количество мест, завоеванных представителями оппозиционных партий, едва ли позволит им образовывать фракции хотя бы из нескольких человек. Шансы партий, появившихся после либерализации партийного законодательства, нахождение в региональных парламентах будут очень невелики. Соответственно, оппозиции в региональных парламентах окажется мало — и она будет крайне фрагментированной. У ее представителей не будет стимулов к коалиционной политике, ибо их голоса, даже вместе взятые, никак не смогут повлиять на законотворческий процесс.

При системе 25 на 75 рассчитывать на прохождение в региональные парламенты смогут только лидеры партийных списков, что, скорее всего, приведет к борьбе за руководство и череде расколов в региональных отделениях оппозиционных партий. Но оппозицию ждут не только организационные, но и финансовые проблемы, ибо в силу указанного ограничения она больше не сможет проводить в региональные легислатуры по своим спискам представителей бизнеса. Это неминуемо выльется в снижение агитационной активности и, как следствие, падение привлекательности в глазах избирателей.

Поскольку списки оппозиционных партий, по всей видимости, будут использоваться их лидерами для продвижения своих кандидатур в одномандатных округах⁴⁰, следует ожидать не просто отсутствия какой-либо координации между оппозиционными партиями, но и упадка самих партийных организаций на региональном уровне. Незрелая же партийная система с преобладанием прагматичных партий, не обремененных идеологией (а партии, используемые конкретными политиками в своих целях, именно таковы), как показал в своем исследовании М. Вахман⁴¹, не создает условий для электорального вызова авторитарному status quo. Более того, в такой ситуации «Единая Россия» еще больше укрепит свои позиции в качестве партии, контролирующей распределение общественных ресурсов, что может принести ей дополнительные голоса избирателей⁴².

⁴⁰ Golosov [Goloso] 2006.

⁴¹ Wahman 2011: 655.

⁴² Gandhi, Lust-Okar 2009: 408; Reuter 2013: 101.

Заключение

Внесение поправок в федеральное законодательство, позволивших регионам избирать по пропорциональной системе вдвое меньше депутатов, чем прежде, стало следствием достижения центром достаточного контроля над основными сегментами элит в большинстве российских регионов. Ни одна из партий не способна служить альтернативой «Единой России» в получении выборных постов. Несмотря на частичное возвращение прямых выборов глав регионов, губернаторы по-прежнему зависят от центра, будучи связаны с ним тесными узами клиентелистских отношений экономического характера⁴³. Таким образом, стоявшая в начале 2000-х годов «проблема приверженности» региональных элит федеральному центру, референтом которого на партийной арене выступает «Единая Россия»⁴⁴, была решена. Совокупность этих обстоятельств и позволила правящим кругам осуществить законодательные преобразования, актуальность которых стала очевидной вследствие снижения уровня поддержки «Единой России», а также появления пусть ограниченных, но возможностей для кооперации оппозиционных сил на партийном уровне.

Последние по времени региональные выборы подтвердили, что большинство мест в региональных парламентах «Единая Россия» получает по мажоритарной системе. По этой причине, как представляется, регионам и было разрешено избирать большую часть своих парламентов в одномандатных округах. При этом, хотя полностью мажоритарная система сулила «Единой России» еще большие выгоды, от данной институциональной модели было решено отказаться, так как она могла подтолкнуть оппозиционные партии к координации действий на внеэлекторальном уровне, тем более что в преддверии новых федеральных выборов подобная стратегия была бы для них отнюдь не бесполезной. Но, сохранив за оппозицией возможность прохождения в региональные парламенты, власть позаботилась о том, чтобы кусок «электорального пирога», на который оппозиционные партии могут рассчитывать при новой системе, был очень невелик и схватка за него способствовала

⁴³ Turovsky 2014.

⁴⁴ Reuter, Remington 2009.

их организационному ослаблению, а также ограничению их коалиционного потенциала и готовности (и без того, впрочем, невысокой) к взаимному сотрудничеству.

На основе проведенного анализа можно выдвинуть гипотезу, что в тех регионах, где «Единая Россия» сталкивается с серьезными вызовами, доля депутатов-списочников будет сокращена до 25%. В свою очередь, в регионах, отличающихся высоким уровнем консолидации власти в руках губернаторов, не только может быть сохранен status quo, но и не исключен переход к полностью пропорциональным избирательным системам (как это уже случилось, например, в Чеченской Республике). Эти предположения уточняют прогнозы относительно развития региональных избирательных систем в сторону все большей «пропорционализации»⁴⁵. Их оправданность можно будет проверить статистически, когда (и если) регионы в очередной раз начнут менять свое избирательное законодательство, что, судя по всему, будет происходить по мере приближения региональных выборов, ближайшие из которых намечены на сентябрь 2014 г.

⁴⁵ См., напр. Ross 2011b: 435–436.

Библиография

- Гельман В.Я. 2012. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // *Полития*. № 4 [Gel'man V.Ja. 2012. Rascvet i upadok ehlektoral'nogo avtoritarizma v Rossii // *Politeia*. № 4].
- Глубоцкий А.Ю., Кунев А.В. 2003. Опыт смешанных выборов в российских регионах // *Полис*. № 2 [Glubockij A.Ju., Kunev A.V. 2003. Opyt smeshannykh vyborov v rossijskikh regionakh // *Polis*. № 2].
- Голосов Г.В. 2006. *Российская партийная система и региональная политика 1993–2003*. — СПб. [Golosov G.V. 2006. Rossijskaja partiijnaja sistema i regional'naja politika 1993–2003. — SPb.].
- Голосов Г.В. 2012. *Демократия в России: инструкция по сборке*. — СПб. [Golosov G.V. 2012. *Demokratija v Rossii: instrukcija po sborke*. — SPb.].
- Кунев А.В. 2009. *Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы*. — М. [Kunev A.V. 2009. *Vybory parlamentov rossijskikh regionov 2003–2009: Pervyj cikl vnedrenija proporcional'noj izbiratel'noj sistemy*. — M.].
- Справка о голосовании по проекту федерального закона № 303825-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Справка о голосовании по проекту federal'nogo zakona № 303825-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»] (<http://vote.duma.gov.ru/vote/83303>).
- Стенограммы обсуждения законопроекта № 303825-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Выступление председателя комитета Госдумы по конституционному законодательству и государственному строительству В.Н.Плигина [Stenogrammy obsuzhdenija zakonoproekta

№ 303825-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Выступление председателя комитета Госдумы по конституционному законодательству и государственному строительству В.Н.Плигина] (http://api.duma.gov.ru/api/transcript/303825-6#2013_10_25_17_22_30).

Таблица поправок № 2 к проекту федерального закона № 303825-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», рекомендованных Комитетом к отклонению [Таблица поправок № 2 к проекту federal'nogo zakona № 303825-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», rekomendovannykh Komitetom k otkloneniju] ([http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/A190A5E3C42691C443257C0700514EFE/\\$File/Таблица%20поправок%20№2%20поправок%20к%20откл.doc?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/A190A5E3C42691C443257C0700514EFE/$File/Таблица%20поправок%20№2%20поправок%20к%20откл.doc?OpenElement)).

Федеральный закон от 2 ноября 2013 года № 303-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Federal'nyj zakon ot 2 nojabrja 2013 goda № 303-FZ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»] (http://ntc.duma.gov.ru/duma_na/asozd/asozd_text.php?nm=303-ФЗ&dt=2013).

Ahmed A. 2010. Reading History Forward: The Origins of Electoral Systems in European Democracies // *Comparative Political Studies*. Vol. 43. № 8–9.

Benoit K. 2004. Models of Electoral System Change // *Electoral Studies*. Vol. 23. № 3.

Benoit K. 2007. Electoral Laws as Political Consequences: Explaining the Origins and Change of Electoral Institutions // *Annual Review of Political Science*. Vol. 10.

Birch S. 2007. Electoral Systems and Electoral Misconduct // *Comparative Political Studies*. Vol. 40. № 12.

Boix C. 1999. Setting the Rules of the Game: The Choice of Electoral Systems in Advanced Democracies // *American Political Science Review*. Vol. 93. № 3.

Colomer J.M. 2004. The Strategy and History of Electoral System Choice // Colomer J.M. (ed.) *Handbook of Electoral System Choice*. — N.Y.

Colomer J.M. 2005. It's Parties that Choose Electoral Systems // *Political Studies*. Vol. 53. № 1.

Cusack T.R., Iversen T., Soskice D. 2007. Economic Interests and the Origins of Electoral Systems // *American Political Science Review*. Vol. 101. № 3.

Diaz-Cayeros A., Magaloni B. 2001. Party Dominance and the Logic of Electoral Design in Mexico's Transition to Democracy // *Journal of Theoretical Politics*. Vol. 13. № 3.

Gandhi J., Lust-Okar E. 2009. Elections under Authoritarianism // *Annual Review of Political Science*. Vol. 12.

Golosov G.V. 2011a. Russia's Regional Legislative Elections, 2003–2007: Authoritarianism Incorporated // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. № 3.

- Golosov G.V.** 2011b. Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. № 4.
- Lijphart A.** 1994. *Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945—1990*. — Oxford.
- Norris P.** 1997. Choosing Electoral Systems: Proportional, Majoritarian and Mixed Systems // *International Political Science Review*. Vol. 18. № 3.
- Panov P., Ross C.** 2013. Sub-National Elections in Russia: Variations in United Russia's Domination of Regional Assemblies // *Europe-Asia Studies*. Vol. 65. № 4.
- Reuter O.J., Remington T.F.** 2009. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia // *Comparative Political Studies*. Vol. 42. № 4.
- Reuter O.J.** 2013. Regional Patrons and Hegemonic Party Electoral Performance in Russia // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 29. № 2.
- Ross C.** 2011a. The Rise and Fall of Political Parties in Russia's Regional Assemblies // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. № 3.
- Ross C.** 2011b. Regional Elections and Electoral Authoritarianism in Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. № 4.
- Schedler A.** 2002. The Nested Game of Democratization by Elections // *International Political Science Review*. Vol. 23. № 1.
- Turovsky R.** 2014. Opposition Parties in Hybrid Regimes: Between Repression and Co-optation. The Case of Russia's Regions // *Perspectives on European Politics and Society*. Vol. 15. № 1.
- Wahman M.** 2011. Offices and Policies — Why Do Oppositional Parties Form Pre-electoral Coalitions in Competitive Authoritarian Regimes? // *Electoral Studies*. Vol. 30. № 4.

ПОЛИТИКА

¹ Гуцев [Gucev] 2009; Агеева [Ageeva] 2010; Волков, Дамаскин [Volkov, Damaskin] 2010, 2011; Фалина [Falina] 2010; Корченков [Korchenov] 2011; Рамазанов [Ramazanov] 2012; Чикирева [Chikireva] 2012; Цинцадзе [Cincadze] 2013.

² Ипатова [Ipatova] 2013.

Эмпирическая рамка

³ Впервые результаты исследования были представлены на публичной лекции в Московской высшей школе социальных

Д.М.Рогозин КОРРУПЦИЯ В РАССКАЗАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Ключевые слова: биографические интервью, бюрократия, государственная служба, коррупция

В последние годы о коррупции говорится слишком много. Настолько много, что из обиходной, обыденной лексики тема перешла в профессиональную: нормативные акты, журналистские расследования, социальные штудии¹. Сейчас едва ли мы найдем ведомство без подразделения, занимающегося антикоррупционной работой, и долгосрочную программу развития — без раздела, посвященного мероприятиям и регламентам, нацеленным на сдерживание коррупции. Сильнее всего юридическое освоение коррупционной тематики сказалось на государственных и муниципальных служащих. Как они восприняли предложенные нововведения? На что обращают внимание в разговорах о коррупции? Что выделяют в качестве значимых моментов, а что обходят стороной? Как реагируют на эту довольно болезненную проблему, которая с начала перестройки устойчиво занимает лидирующие позиции в публичном дискурсе? Подобные вопросы важны и актуальны, поскольку в качестве основных героев коррупционных сделок обычно предстают нерадивые чиновники, сама профессия которых в народном сознании приравнена к кормлению и мздоимству². Наша задача — дать высказаться государственным служащим не в ситуации дискуссии и противостояния сформировавшемуся общественному мнению, а в свободной, доверительной (насколько это возможно) беседе. Пространство антагонистического дискурса исключает понимание другого, и мы стараемся разрушить этот дискурс, проводя эмпирические обследования мира государственных и муниципальных служащих.

Работа написана по материалам комплексного социологического исследования профессиональной этики государственных и муниципальных служащих, проведенного Центром методологии федеративных исследований и Центром аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ в 2012—2013 гг.³ За время реализации проекта нам удалось собрать около 150 развернутых биографических интервью с государственными и муниципальными служащими разных рангов — от первых заместителей губернаторов и заместителей министров (достижимость более высоких чинов для продолжительных бесед оказалась близка к нулю) до специалистов и референтов.

ПОЛИТИКА

НАШИ АВТОРЫ

Алексеевко Александр Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры философии и проблем человеческого развития Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д.Серикбаева (Усть-Каменогорск).

Гайворонский Юрий Олегович — аспирант кафедры сравнительной политологии факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, аналитик Лаборатории региональных политических исследований НИУ ВШЭ.

Галкин Александр Абрамович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН, зам. председателя Редакционного совета журнала «Полития».

Исаев Леонид Маркович — старший преподаватель кафедры общей политологии факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ.

Медушевский Николай Андреевич — кандидат политических наук, доцент кафедры культуры мира и демократии ЮНЕСКО факультета истории, политологии и права РГГУ.

Окунев Игорь Юрьевич — кандидат политических наук, зам. декана факультета политологии МГИМО(У) МИД России.

Работяжев Николай Владимирович — кандидат политических наук, зав. сектором «Россия и новые государства Евразии» ИМЭМО РАН.

Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, директор Центра методологии федеративных исследований РАНХиГС при Президенте РФ.

Турченко Михаил Сергеевич — магистрант Европейского университета в Санкт-Петербурге, преподаватель кафедры прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ.

Швырков Александр Иванович — кандидат философских наук, докторант Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина.

Шияшкина Алиса Романовна — младший научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ.

ПОЛИТИКА

OUR AUTHORS

Alekseenko Alexander Nickolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Philosophy and Human Development, D.Serikbayev East Kazakhstan State Technical University (Ust-Kamenogorsk).

Galkin Alexander Abramovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Deputy Chairman of the Editorial Board of the Journal *Politika*.

Gayvoronsky Yury Olegovich — Ph.D. Candidate at the Department of Comparative Politics, Faculty of Applied Politics, National Research University *Higher School of Economics* (NRU HSE), Analyst at Laboratory of Regional Political Studies, NRU HSE.

Isaev Leonid Markovich — Senior Lecturer at the Department of Political Science, Faculty of Applied Politics, NRU HSE.

Medushevsky Nickolay Andreyevich — Ph.D. in Political Science, Associate Professor at the Department of Culture of Peace and Democracy UNESCO, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities (RSUH).

Okunev Igor Yuryevich — Ph.D. in Political Science, Deputy Dean, Faculty of Political Science, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University, under Ministry of Foreign Affairs of Russia).

Rabotyazhev Nickolay Vladimirovich — Ph.D. in Political Science, Head of Sector "Russia and the New States of Eurasia", Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences.

Rogozin Dmitry Mikhailovich — Ph.D. in Sociology, Director of the Center for Methodology on Research on Federalism, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

Shishkina Alisa Romanovna — Junior Researcher at Laboratory of Monitoring of the Risks of Sociopolitical Destabilization, NRU HSE.

Shvyrkov Alexander Ivanovich — Ph.D. in Philosophy, Doctor of Sciences Candidate at V.N.Karazin Kharkiv National University.

Turchenko Mikhail Sergeevich — M.A. Candidate at the European University in St. Petersburg, Lecturer at the Department of Applied Politics, St. Petersburg Branch Campus of NRU HSE.

RUSSIAN POLITY

Igor Okunev

INTERREGIONAL DIFFERENTIATION AS BASIS FOR RUSSIAN STATENESS FORMATION

This article proposes and justifies a hypothesis that one of the key mechanisms of state-building in Russia was interregional differentiation based on the construction of the image of the internal "Other". On the basis of the historical data, I. Okunev suggests that under the Russian conditions the formation of such image occurred through reproduction of semi-peripheries in the outlying areas of new colonization. This resulted in the following structure i.e., "center-periphery-semi-periphery", and the country appeared to be "turned inside out" toward its far frontiers. Such mental structure that reflected priorities of state regional development did not coincide with the economic structure, in which the leading economic centers were located within the inland areas (primarily, in the Volga region, the Urals, and Siberia). The author concluded that it is the reason for the eternal dichotomy of territorial development of Russia oscillating between centralization and the need for regional development.

Michael Turchenko

FROM MIXED TO MAJORITARIAN? On Logic of Regional Electoral Systems Changes in Modern Russia

This article analyzes reasons why the ruling circles in Russia changed regional electoral legislation reducing the minimum proportion of party-list deputies in regional legislatures to 25% of the total number of deputies. Having explored the effect of different electoral formulas on the performance of the "party of power", M. Turchenko demonstrates that predominantly majoritarian electoral system benefits this party to a far greater extent than either a mixed system with the ratio of majoritarian and proportional components 1 to 1 or purely proportional. According to his conclusion, under the conditions of a growing number of party structures and constantly decreasing rating of the "United Russia", the extension of the majoritarian component of the electoral system was quite a rational strategy aimed at preserving the status quo.

PRACTICAL SOCIOLOGY

Dmitry Rogozin

CORRUPTION IN STORIES OF CIVIL SERVANTS

The article is based on the results of a comprehensive sociological study of professional ethics of state and municipal employees conducted by the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration in 2012–2013. On the basis of 150 detailed biographical interviews the author analyzed perception of corruption by public officials, determined the main discursive elements of corruption topic and proposed an explanatory model of formation and development of corruption in the modern Russian society. Six discursive areas that constitute corruption discourse were determined: "no bad guy around", "all the evil is outside", "to solve problems", "personification of a service", "fight as an ordered procedure". The article demonstrates that corruption can be interpreted not only in terms of economic gain at the expense of the third parties, but also in terms of reproduction of shadow relations parasitizing upon the legal social order.

Nickolay
Rabotyzhev

POLITICAL PARTIES

BRITISH LABOUR PARTY ON THE WAY TO ADAPTATION TO MODERN WORLD

The article explores the evolution of the British Labour Party's ideology. After briefly touching upon the ideological origins of labourism and its development during the 20th century, the author analyzes in detail theoretical searching that unfolded within the party at the end of the last century and led to the emergence of the so-called "New Labourism" that marked a rejection of etatist-redistributive social model and recognition of advantages of private initiative and market economy. Having notified a visible tendency among labourists to return to a more traditional agenda after 2007, N. Rabotyzhev suggests that the results of the Labour Party in the parliamentary elections in 2015 will largely depend on whether it will manage to develop by that time a convincing project combining center-left values with the imperatives of globalization and "new economy".